

ЗОЛОТОЕ ПЕРО

Всё разрешено?

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ, прозаик, драматург, публицист. Автор многих книг и пьес, переводился на сорок иностранных языков. Лауреат литературных премий. Секретарь Союза писателей Москвы

Начало 2002 года выдалось страшным. Смерть за смертью — подряд. Виктор Астафьев, Александр Володин, Владимир Корнилов, Юрий Давыдов... Очень разные люди, но было у них и нечто общее: безукоризненная порядочность, внутреннее достоинство, абсолютная неподкупность. Что за беда такая — обычно смерть бьёт по площадям, а тут как снайпер старается.

Объединяло ушедших и ещё одно: высокий нравственный авторитет. Не стоит село без праведника — это про них.

Сам я рос, как и все шестидесятники, в эпоху разлагающейся, вороватой, трусливо-жестокой диктатуры. Тем не менее на поколение жаловаться грех — выстояли, окрепли, сплотились и сделали всё, от нас зависящее, чтобы россияне наконец-то стали свободными людьми, а великая страна перестала смотреться в мире злым оборванцем с ядерной дубиной за спиной. Почему же это удалось? Причины разные, но, возможно, главная одна: было вокруг кого сплотиться. Бюрократия казалась всесильной, но существовала сфера, в которую путь ей был заказан. Непререкаемым нравственным авторитетом обладали не министры и члены ЦК, не полуграмотные генсеки, а люди, чей талант и совесть были выше любой титулованности. Их имена знала вся Россия: Андрей Сахаров, Дмитрий Лихачёв, Константин Паустовский, Илья Эренбург, Дмитрий Шостакович, Александр Твардовский, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Пётр Капица, Александр Солженицын, Булат Окуджава, Аркадий Райкин, Георгий Товстоногов, Василий Гроссман, Олег Ефремов, Иосиф Бродский, Михаил Ульянов, Лев Ландау, Святослав Фёдоров — этот список легко продолжить.

Великое счастье России, что на переломе эпох, среди сумятицы и хаоса, когда высокие партийные чиновники бежали из брошенных кабинетов с казёнными телефонами в портфелях, а «демократы» с многолетним цеховским стажем торопились занять выгодные кресла, в стране оказались люди с незапятнанной репутацией, уважаемые миллионами сограждан. Политиков в середине восьмидесятых в государстве практически не было — были чиновники, чей вес определялся положением кресла. Не потому ли в первом избранном парламенте оказалось так много поэтов и актёров — их знали не по должностям, а по стихам и ролям. Не Бог весть что, но всё-таки хотя бы личное благородство не вызывало сомнений...

Сколько-то лет назад Давид Самойлов, фронтовик и очень крупный поэт, опубликовал восемь строк, которые и сегодня не идут из головы:

Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло, и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И всё разрешено.

И ещё вспоминается горькая фраза, сказанная кем-то из шестидесятников после самой непоправимой трагедии нашего поколения — смерти Булата Окуджавы: «Теперь между нами и бесчестием никого нет».

Так что же происходит у нас и с нами?

Страна выходит из кризиса, пожалуй, уже вышла, растёт производство, с каждым годом живём хоть чуть-чуть, но лучше. Однако подкрадывается, подкрадывается постепенно к нашей с вами родине очень серьёзная беда. Один за другим уходят люди, которым можно было

верить без всяких сомнений. Уходят праведники, без которых не стоит село.

О первом президенте России говорили всякое, и часто по делу: и пил, и премьеров менял раз в квартал, и оркестром дирижировал. Но была у Бориса Николаевича многое оправдывающая черта: он понимал, что великой стране нужны не только властители регионов и ведомств — ещё больше нужны властители дум. Нужны люди, на которых держится нравственность народа. Он гордился дружбой Дмитрия Лихачёва и Мстислава Растроповича, он, оказавшись в Красноярске, заехал в Овсянку к Виктору Астафьеву, он мог на полчаса отложить начало встречи с уже собравшимися писателями, дожидаясь застрявшего в дорожной пробке Булата Окуджаву. Он знал, что эпохи, по крайней мере, в России, называют именами не царей и президентов.

Сохранится ли традиция? Не знаю. Когда в Красноярске депутаты отказали в жалкой пенсии смертельно больному Виктору Астафьеву, они ведь не испугались, что отныне и навек от их имён будет разить навозом. Значит — можно. Значит — разрешено. Значит, провинциальным дантесам не заказано поднять пистолет на Пушкина. Значит, не сложилось ещё в нашем обществе то убийственное презрение к хамству, которое одно только и способно защитить российскую культуру от чиновного быдла. Значит, есть поводы тревожиться за судьбу страны.

И сегодня хватает талантливых людей, которыми можно гордиться, — мы и гордимся. Есть Инна Чурикова и Майя Плисецкая, есть Борис Васильев и Владимир Войнович, есть Алексей Герман и Александр Сокуров, есть Белла Ахмадулина и Эрнст Неизвестный. Но что-то в обществе изменилось. Кого нынче без оговорок назвать властителем дум?

Боюсь, должность вакантна. А это очень тревожно. Когда в стране нет властителей дум, просто властители распоясываются.

Деятнадцатый век в России выдался трудным, из всех самодержцев чувствовал время разве что Александр II. Но и при прочих правителях, слабых и лукавых, туповатых и амбициозных, российское общество не только не распалось, но, наоборот, встало на ноги, обрело достоинство и решительно поставило служение народу выше служения власти. Пушкин, а не Николай определил путь России. А к концу столетия самым влиятельным человеком в империи был не второй Николай, а, конечно же, Лев Толстой.

Именно равновесие между властителями государства и властителями дум обеспечивает стабильность — иначе страна хромает.

Так сложилось, что в России умами народа владела, прежде всего, литература. В какой-то мере эта традиция существует, но она уже на излёте. Самые уважаемые писатели, чьё слово и сегодня весит немало, уже в том возрасте, когда рискованно строить планы на отдалённое будущее. Что же будет завтра?

Когда-то Пастернак написал о «вакансии поэта» — «она опасна, если не пуста». Борис Леонидович был прав. Но когда вакансия пуста, это ещё опасней. За российское государство можно не беспокоиться: и президент, и министры, и губернаторы, и прочие властители у нас будут. А вот будут ли властители дум? Кто займёт свято место? Филипп Киркоров? Земфира? «Отпетые мошенники» в полном составе?